С КЛЕЙМОМ «ВРАГА НАРОДА»

ВАСИЛИЙ ГРИШАЕВ

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ НА МЕЛАНЖЕВОМ КОМБИНАТЕ

1

В конце 70-х годов (точнее не помню) мне довелось познакомиться с Варварой Николаевной Тихомировой. Я работал тогда в краевом госархиве и между других дел ходил к ветеранам города и вообще к заслуженным людям, собирал для хранения в архиве имеющиеся у них биографические и другие материалы. И к Варваре Николаевне пришел как к члену партии с 1918 г. и делегату I съезда РКСМ.

Варвара Николаевна жила в однокомнатной секции с довольно скромной обстановкой и застоявшимся печальным запахом старости. Ей было 80 лет, выглядела она не моложе. Разговаривала со мной, сидя на кровати со смятой постелью, в которой проводила, как вскоре призналась, большую часть времени: одолевала слабость. Впрочем, о старческих своих недугах распространяться не стала, да и на вопросы отвечала сдержанно, хотя и вежливо. У нее был слабый больной голос, усталый взгляд, устремленный как бы внутрь. Без лишних слов вынула из тумбочки и положила передо мной старенькую папку с небогатым набором газетных вырезок, похвальных грамот, фотографий, разных справок и удостоверений, разрешила взять все, что сочту нужным.

Разглядывая фотографию мужа, я спросил, когда его не стало. Ответила не сразу.

— В тридцать седьмом.

В голосе ее послышались слезы, и расспрашивать я не решился. Лишь недавно, роясь в архиве, узнал, что муж ее, Василий Петрович Тихомиров, заместитель директора Барнаульского меланжевого комбината по снабжению, 26 февраля 1937 года покончил жизнь самоубийством. О причинах рассказал жене в предсмертном письме. Вот оно.

«Варя!

Прости и забудь меня. Поверь мне, что троцкистом и предателем я никогда не был. Но факты говорят и утверждают обратное: дело Розанова, большие упущения по работе, прошлая, правда, давно порванная связь с Адлер. Все это ставит меня в одно положение с Гольдбергом. Я был легкомысленным и доверчивым к людям. Не имел достаточного партийного чутья и классовой бдительности. И вот теперь я должен за это отвечать и расплачиваться. Жить как бы то ни было с клеймом троцкиста и вредителя я не могу. А партия поверить мне не может. И вот я решил покончить с собой. Так будет лучше и для тебя, и для меня.

Мучаюсь мыслью, что мои большие ошибки перед партией бросят тень на тебя, кристально чистого члена партии, какой я тебя знаю все время. Прощай, родная. Привет всем родным и товарищам.

В. Тихомиров».

Власти, и прежде всего партийные, приняли все меры, чтобы опорочить этот, вызванный отчаянием, поступок честного коммуниста, доказать, что он таким способом пытался замести следы своей преступной деятельности. Поступок этот, устами второго секретаря горкома партии П. Р. Семенихина, был расценен как «контррево-

люционный акт, направленный против партии в ее борьбе с контрреволюционным троцкизмом и правыми».

А органы НКВД не погнушались навесить на мертвого человека уйму облыжных обвинений во вредительстве и вдобавок... подготовку убийства первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе, когда тот приедет в Барнаул. Тихомиров, по указанию Гольдберга, якобы, создал для этой цели террористическую группу, в которую вошли: заведующий планово-производственным отделом центральных ремонтных мастерских Мастеров, ранее судимый, комендант жилых домов комбината Васильев, исключенный из партии в 1935 году, и высланные из Ленинграда после убийства С. М. Кирова «троцкисты-зиновьевцы» В. Г. Айни, конструктор ткацких станков, и А. А. Розанов, бывший директор ленинградской ткацкой фабрики имени А. И. Желябова, работавший в Барнауле директором парка культуры и отдыха меланжевого комбината.

По версии НКВД террористам не удалось их черное дело лишь потому, что Эйхе в августе 1936 г. приехал на комбинат внезапно, и они не успели подготовиться. Как позже выяснилось, на самом деле о приезде начальства знали на комбинате за несколько дней и усиленно наводили «марафет» в цехах...

Своим поступком Василий Петрович пытался хотя бы жену спасти от преследований, но и это ему не удалось. Варвару Николаевну, работавшую заместителем секретаря парткома комбината, обвинили в том, что, зная о контрреволюционных связях мужа, его вредительской работе, она не только не разоблачила его, а наоборот, защищала от обвинений и даже имела смелость настаивать, чтобы он был похоронен с революционными почестями. Ее исключили из партии и восстановили в ее рядах лишь в 1948 г. За это время натерпелась всякого. Но ей еще повезло: жива осталась.

Трагедия Тихомировых — лишь одно звено в цепи событий, случившихся на комбинате в страшном 1937 году.

2

Барнаульский меланжевый комбинат — первенец социалистической индустриализации Алтая. О его строительстве и становлении написано немало, но написано в духе победных рапортов, характерных для недавнего времени. О жертвах сталинских репрессий там — ни слова. Об этих людях, безвинно погибших с позорным клеймом «вредителя», «шпиона», «врага народа», а ныне на комбинате забытых, я и попытаюсь рассказать, что знаю.

Было так.

Решение о строительстве Барнаульского меланжевого комбината было принято на XVII партконференции ВКП(б) в январе 1932 г. А уже в феврале начался завоз строительных материалов (кирпича, леса) на спешно выбранную севернее города площадку, находившуюся еще под снегом. В такой же спешке несколькими московскими организациями, почти не связанными между собой, разрабатывался проект комбината. Проектантам недосуг было даже выехать на строительную площадку для проведения изыскательских и исследовательских работ.

21 июня, после торжественного митинга, под громкие речи и бравурные марши духового оркестра заложили фундамент главного корпуса, хотя не было еще ни сметы, ни проекта организации работ, ни даже технического проекта. Закладывая фундамент, не знали точно, каким будет первый этаж. Строительная площадка, несмотря на большой объем земляных работ, была не спланирована, дорога к ней не подведена. Эти большевистские темпы, характерные для первой «сталинской» пятилетки, добром не кончились. Вот лишь некоторые недостатки, отмеченные в марте 1937 г. правительственной комиссией в ходе приемки комбината.

— Фундамент главного корпуса был рассчитан на глинистый грунт, а там оказался лессовидный суглинок.

— В кирпичных стенах не были предусмотрены осадочные швы, в них образовались трещины.

— Для теплоизоляции кровли применили, согласно проекту, камышитовые маты, подшитые фанерой, но оказалось, что они пропускают дождь, да и в остальное время в них накапливалась влага, частой капелью падавшая на стенки и все прочее.

— Проект головных сооружений производственного водопровода, разработанный одной из московских организаций, был забракован местной экспертизой.

Не только водопровод, но и целый ряд других объектов перепроектировались по нескольку раз. Все это привело к многочисленным переделкам, удорожанию и затяжке строительства, несмотря на шумиху с соцсоревнованием, бесчисленными субботниками и воскресниками, на которые привлекались тысячи барнаульцев.

— Крайне низкой была механизация работ, преобладал ручной труд с тачкой и лопатой.

— На техническом руководстве строительством не могло не сказаться то, что за пять лет сменилось 6 главных инженеров, 5 прорабов главного корпуса, 4 прораба ТЭЦ.

Не легче стало и с вводом в действие прядильной, ткацкой и отделочной фабрик (август—ноябрь 1934 г.). Из-за перебоев с электроэнергией, вызванных неполадками на ТЭЦ, нехватки квалифицированных кадров (откуда им было взяться?), они не справлялись с планом, гнали брак. По неопытности ткачих часто выходили из строя станки и другие механизмы.

Правительственная комиссия не приняла комбинат и дала шестимесячный срок для устранения выявленных недостатков. Забегая вперед, скажем, что и в этот срок на комбинате не уложились. Он был включен в число действующих текстильных предприятий страны лишь в мае 1940 г.

В те годы всякая авария, брак, поломка станка, перерасход средств и т. п. объяснялись вредительством. Вредителей начали «выкорчевывать» еще до начала работы комиссии. Первым из них стал директор комбината Гольдберг Максим Ефимович. Он давно был на примете у органов. Более девяти лет (1918—1928)работал в управлении ВЦСПС под руководством М. П. Томского, у которого был якобы верным помощником «в проведении контрреволюционной линии правых в блоке с троцкистами». В 1923 г. дал партийную рекомендацию меньшевику, вскоре арестованному органами ОГПУ. Работая директором Иваново-Вознесенского меланжевого комбината (1928—1932), поддерживал связь с троцкистами. Группу троцкистов: Н. И. Рабинович, О. Г. Адлер, А. М. Ноговицына «перетянул» в Барнаул, когда был назначен директором и начальником строительства здешнего комбината (1932). Здесь они барнаульскими чекистами были «разоблачены» и арестованы, а Гольдбергу поставили в вину, что он не помог органам в их разоблачении.

Заметим в скобках: Рабинович зачислили в троцкистки за то, что после убийства С. М. Кирова она воздержалась на партсобрании от критики троцкистско-зиновьевской оппозиции; Ноговицына за то, что он отказался критиковать ее за такой поступок, Адлер записали в троцкистки после того, как она отнесла передачу арестованной Рабинович.

Перед арестом их, как водится, «вычистили» из партии. Как это делалось, хорошо известно: начальство предложило — никто возразить не посмел. Лишь Гольдберг имел неосторожность (или смелость?) выступить в их защиту, в результате сам стал троцкистом. Впрочем, ему все равно бы этого не миновать. В стране развернулась, особенно после февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б) и выступления на нем «вождя народов», небывалая по размаху и жестокости охота на троцкистов, им сочувствующих или когда-либо заявлявших о сочувствии. В троцкисты сплошь и рядом, волею чекистов, попадали те, кто и слова этого выговаривать не умел. Логика была железной: раз вредитель — значит троцкист, раз троцкист — значит вредитель, шпион, диверсант. Стремясь показать, что они не даром едят свой хлеб, чекисты «вскрыли и ликвидировали» (читай: сфальсифицировали) десятки подпольных троцкистских организаций, загубив при этом тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей.

Так, в январе 1937 г. отделом НКВД по Западно-Сибирскому краю был «вскрыт» так называемый «Сибирский контрреволюционный центр правых», который якобы по заданию Бухарина, Рыкова, Томского вел активную террористическую работу в Западной Сибири. Руководители центра Эдельман, Грольман и др. «признались», что в его состав был введен и Гольдберг, «по личному указанию Томского»...

Удавка на шею Гольдберга была накинута, но затягивать ее первой начала рука партии. 30 января 1937 г. на партийном собрании комбината Гольдберг был выведен из состава парткома, а 1 февраля (какая оперативность!) бюро горкома ВКП(б) постановило исключить его из партии и предать суду «как двурушника и врага народа за прямую связь, пособничество и покровительство троцкистам, за вредительство и развал работы на комбинате». С обвинениями в его адрес выступили второй секретарь горкома П. Р. Семенихин (он вел заседание), секретарь парткома меланжевого комбината М. Я. Флорен, зав. культпропом горкома Л. Я. Радченко, редактор газеты «Красный Алтай» С. Р. Телишевский. Через несколько месяцев они сами были арестованы и расстреляны. Так, выражаясь словами поэта Д. Самойлова, «исполнители и жертвы переплелись в единый узел». Чего заслуживают люди, подобные Семенихину, Флорену и др.: осуждения или сострадания?..

После бюро Гольдберг был снят с должности, а 12 марта арестован и этапирован

в Новосибирск во внутреннюю тюрьму краевого отдела НКВД. Вслед за ним за решеткой оказались:

Леонтьев Константин Антонович, бывший председатель Барнаульского горисполкома, заместитель Гольдберга по строительству, а с 1934 г. — начальник Запсибтекстильстроя; Буторов Константин Георгиевич, начальник отдела капитальных работ; Дородный Всеволод Александрович, начальник сметного отдела; Резников Максим Георгиевич, директор ткацкой фабрики; Лутохин Николай Васильевич, помощник Гольдберга; Флорен Мартин Яковлевич, секретарь парткома; Соловьев Иван Дмитриевич, директор учебного комбината; Сильд Август Янович, инструктор физкультуры; Розанов Антон Александрович, директор парка культуры и отдыха меланжевого комбината; Подобедов Василий Константинович, старший бухгалтер ТЭЦ; Балакин Владимир Федорович, заведующий вентиляционно-отопительным цехом; Субач Станислав Христофорович, мастер-прядильщик; Власов Александр Александрович, инженер прядильной фабрики; Шостко Иван Васильевич, инженер-сметчик; Струков Борис Николаевич, инженер-электрик; Мастеров Алексей Иванович, инженер-нормировщик механико-строительного отдела.

Список этот, по всей вероятности, неполон.

Арестованных обвинили в принадлежности к якобы «орудовавшей» на комбинате подпольной троцкистской контрреволюционной группе, «главарем» которой являлся Гольдберг.

Группа, по заданию троцкистского «центра» (также выдуманного «драматургами» из НКВД), всячески затягивала строительство комбината, преднамеренно ухудшала качество строительства, что привело к массовым переделкам и перерасходу средств; искусственно создавала условия для увеличения брака, стремясь сорвать выполнение лозунга ЦК ВКП(б) о том, что советская ткань должна быть лучшей в мире; готовила взрыв ТЭЦ, водонапорной башни, поджог прядильной фабрики; затянула строительство жилья, чтобы вызвать недовольство рабочих; организовала их массовое отравление на ткацкой фабрике, отдав вредительское распоряжение о покраске отопительных батарей кузбасслаком.

Сразу скажем, что такой факт, действительно, имел место, несколько человек угорело, но наутро все они вышли на работу как ни в чем не бывало, никто не придал этому особого значения, кроме чекистов. Делать из мухи слона они были мастера. Вот еще два примера. Директор ткацкой фабрики М. Г. Резников, вернувшись из заграничной командировки, имел неосторожность сказать в узком кругу, что там безработные живут лучше наших рабочих. Нашелся доносчик, и Резникова обвинили в... призывах к реставрации капитализма!.. Секретарь парткома М. Я. Флорен, ратовавший по своей должности за развертывание стахановского движения и поощрявший перевод ткацких станков на максимальные скорости, оказывается, преследовал вредительскую цель вызвать их поломку и сорвать тем самым выполнение производственного плана.

Ну а одно из самых тяжких обвинений — подготовка убийства Р. И. Эйхе. Об этом уже говорилось.

Если отбросить всю эту надуманную шелуху, то станет ясно, что арестованных просто сделали козлами отпущения за все просчеты и недостатки в ходе строительства и работы комбината, в их сторону направили гнев рабочих, недовольных условиями труда, зарплатой, жильем и пр.

3

Вряд ли нынешний читатель удивится, если скажу, что все арестованные полностью признали себя виновными в предъявленных обвинениях. Как чекисты этого добивались, мы теперь хорошо знаем, и все же, на мой взгляд, небезынтересно еще раз заглянуть в тайны их палаческого ремесла. Вот что рассказал в 1956 году, в ходе реабилитации, Петр Александрович Зернов.

«Я был арестован 3 ноября 1937 г. и посажен в хомутную НКВД (камеры были переполнены), где встретил рабочих БМК Чернышева, Балакирева, Струкова, Дородного, Соловьева, Комаричева, Малькова, Ястребцова. Из хомутной нас перевели в 18-ю камеру первого корпуса тюрьмы. Там нас было человек 70 и, хотя окно было без стекол, воздуха не хватало. В этой камере я пробыл 40 дней, за это время ни разу не вызывали на допрос. Потом перевели в 36-ю камеру второго корпуса, меньшую по размерам, но народу в ней было столько же. Там встретил с комбината Безносова, Новикова Михаила Филипповича, Комаричева Сергея Филипповича, Никанорова, 2-го секретаря горкома ВКП(б) Семенихина, командира роты автобата Кукарского и лекпома батальона Кузьмицкого.

Дней через 15 Кузьмицкого и Семенихина от нас увели. 19 декабря меня впервые

вызвали на допрос. Следователь, сержант госбезопасности Ряшин, предложил мне написать о моей контрреволюционной деятельности. Я отказался. «Все, что мне нужно, ты напишешь!» — заявил он и поставил меня лицом к стене. Часов через восемь выстойки спросил: «Намерен ли писать?» Я ответил, что не знаю, о чем писать. Он показал мне копию допроса Флорена, отпечатанную на машинке. Там было написано, что Флорен завербовал меня в подпольную контрреволюционную террористическую организацию. Я отказался подтвердить это и был посажен в камеру предварительного следствия. Через полтора суток Ряшин вызвал меня снова. Во время допроса в кабинет вошел начальник отделения НКВД Юхкам и спросил Ряшина, разоружаюсь ли я. Ряшин ответил: «Пока нет». Юхкам приказал Ряшину оформить мое дело за сутки, а меня пригрозил посадить в карцер на 20 суток. Я уже знал, что представляет собою тюремный карцер и заплакал (мне был 21 год). «Щенок, — сказал Ряшин и повел меня в следующую комнату. — Посмотри, как разоружается настоящий мужчина, второй секретарь крайкома партии Савичев».

После этого я под диктовку Ряшина написал протокол с «признаниями». Ряшин понес его Юхкаму, тот протокол забраковал, и Ряшин, вернувшись, начал диктовать мне сызнова. После подписания протокола меня отправили в тюрьму и вторично вызвали к Ряшину примерно через месяц. Тот показал мне протокол, уже перепечатанный на машинке. Боясь изолятора, я подписал его, почти не читая. На меня еще повлияли сокамерники: они все подписали протоколы с «признаниями».

В январе 1938 г. Юхкам вызвал меня на очную ставку с Флореном. Флорен не подтвердил, что я им завербован. Тогда Юхкам поставил меня к стене, а сам с Флореном куда-то ушел. Часа через три Флорена привели, он был очень бледен и сознался, что завербовал меня летом 1937 г. на даче БМК. Я это не подтвердил. Юхкам зло бросил: «Ты нам не нужен!»

26 июня 1938 г. меня перевезли во внутреннюю тюрьму НКВД. Утром 29 июня, перед началом суда, всех арестованных обходил начальник краевого отдела НКВД Попов и его заместитель Биримбаум. Попов спросил меня, как я буду вести себя на суде. Я ответил: «Буду говорить правду». Тогда он сказал Ряшину: «Займитесь им». Ряшин сильно изругал меня, но не бил.

Вскоре меня вызвали на заседание военной коллегии Верховного Суда СССР. В комнате находились Попов, Ряшин и двое выводных. Председатель суда Матулевич спросил: «Признаете себя виновным?» Я ответил: «Не признаю. Протокол подписал под силой». Меня увели в комнату, где были ранее вызывавшиеся Мастеров, Новиков, Соловьев, Дородный, Безносов, Мальков, Чернышев, Балакирев. Мастеров кричал: «Дайте воды напиться перед расстрелом!» Их всех вызвали раньше меня для объявления приговора и больше я их не видел. А мне дали десять лет..."

Много страданий выпало на долю начальника 2-го отделения Барнаульской городской милиции Саранцева Петра Александровича, хотя виноват он был, пожалуй, лишь в том, что меланжевый комбинат находился на территории его отделения. Но обвинили его ни много ни мало в принадлежности к подпольной контрреволюционной организации, которая будто бы поручила ему взорвать железнодорожный мост через Обь, вокзал и заодно весь комбинат.

Арестован Петр Александрович был 25 декабря 1937 г., освобожден 19 сентября 1939 г. О своих злоключениях поведал в ходе реабилитации.

«После ареста меня отконвоировали в тюрьму, где поместили в мертвецкую. Там было 25 трупов. В одном из них я узнал председателя краевого суда Блекиса Теодора Теодоровича. В мертвецкой просидел 16 суток, затем меня привезли в НКВД на допрос. Допрашивали Пташинский и Овсянников, иногда Кострюков, Москалев, Юхкам. Они требовали признаний в контрреволюционной деятельности, я не давал, они меня избивали, держали подолгу на ногах, пить не давали... Сколько суток находился на допросе, не помню. Пришел в сознание в камере. В ней находились секретарь Локтевского райкома ВКП(б) Абрамчук, директор школы из Змеиногорска Волков. При мне их вызывали на допрос, а приводили под руки избитыми, потому что они отказывались подписывать протоколы с признательными показаниями. Абрамчук, Юферов, Волков и другие говорили, что их подолгу держали на ногах, били, принуждая подписать протокол допроса; иногда требовали назвать фамилии родственников, знакомых, а на следующем допросе уже обвиняли в том, то они скрыли совместное с этими людьми участие в контрреволюционной деятельности. Абрамчука довели до глубокого истощения. Подписал ли он протокол, не знаю, но думаю, что подписал. В тюрьме редко можно было встретить человека, который не подписал показаний, сочиненных следователем. Абрамчук, Юферов и др. говорили, что все, в чем их обвиняют, ложь, и только не знают, кому нужна такая неправда...

Не помню точно, когда привезли меня в управление НКВД на заседание военной коллегии Верховного Суда СССР. Я от своих показаний отказался, но был приговорен к высшей мере. Вместе со мной судили Шорра, Зубрилина, Бельского, Кочергина, Борисова, Николаева. Все они были работниками НКВД и милиции.

В камере смертников меня держали 96 суток, потом объявили, что приговор отменен и дело возвращено на доследование...

Во внутренней тюрьме и тюрьме № 1 я содержался вместе с Флореном, Леонтьевым, Буторовым, вторым секретарем крайкома ВКП(б) Савичевым, секретарем Змеиногорского райкома ВКП(б) Тяном, китайцем по национальности, вторым секретарем Ойротского обкома ВКП(б) Енчиновым, заместителем председателя Барнаульского горисполкома Еременко, командиром 234-го стрелкового полка Цыгановым, инструктором Осоавиахима Шишкиным. Все они при мне вызывались на допросы, а оттуда их приносили, особенно Флорена, Леонтьева, Савичева, Тяна, Еременко. Их избивали в кабинете Попова, особенно Савичева, Леонтьева, Юферова, Абрамчука. Абрамчука обуздывали через рот веревкой, валили на пол и избивали. Однажды он пробыл на допросе трое суток, в камеру его принесли без сознания. Мы с трудом его разули, так у него отекли ноги. Очнувшись, он начал рассказывать уж не помню что, но у Юферова слезы были на глазах... Мы дали друг другу клятву: кто вырвется отсюда живым, расскажет нашим семьям правду».

Не знаю, как другим, а своей семье Петр Александрович, похоже, побоялся (подписку дал?), а может, просто не решился поведать о перенесенных им ужасах. Во всяком случае, сын его, Александр Петрович, с которым мне довелось довольно близко познакомиться (он живет в Москве), ни словом не обмолвился об этом, хотя об отце рассказывал немало. Лишь коротко упомянул, что в тридцатые годы он сидел около двух лет...

4

А теперь послушаем показания следователей отдела НКВД Алтайского края, данные ими в 1939—1940 годах, когда некоторые палачи стали жертвами.

М. П. Длужинский: «Гольдберга допрашивал Толмачев. Протоколов не составлял. У меня он написал собственноручные показания. Его долго не отпускали. Толмачев применил к нему «конвейер»: следователи, сменяя друг друга, допрашивали Гольдберга несколько суток без отдыха. О «конвейере» — установка Попова. В камеру к Гольдбергу посадили агента».

Т. К. Салтымаков: «В краевое управление НКВД я был переведен в октябре 1937 г. из Баевского района. Моя служба в новой должности началась с того, что мне поручили допрос М. М. Копылова, первого секретаря Барнаульского горкома ВКП(б). В моем распоряжении была только справка на арест. Копылов вину отрицал. Я доложил начальнику отдела Перминову. Тот ответил: «Врага нужно допрашивать активно, без поблажки». Его помощник Юркин, заходя ко мне в кабинет, показывал, как надо допрашивать «врагов народа». Он набрасывался на Копылова с отборной бранью и оскорблениями, требуя, чтобы тот не тянул с раскаянием. Копылова допрашивали не менее недели день и ночь, с короткими отдыхами, в камеру не отпускали, кормили из буфета.

Показания Копылов написал. Я передал протокол Перминову, тот с Поповым откорректировал его. Потом протокол отпечатали, и я дал его Копылову на подпись. Тот подписать отказался. В борьбе (!) за подпись я занимался с Копыловым сутки. Перминов то и дело звонил мне по телефону, торопил. Он хотел показать подписанный протокол в крайкоме партии. Я заявил Перминову о своем бессилии. Тот зашел ко мне и стал убеждать Копылова в бесполезности запирательства, потом вызвал его к себе, и там Копылов протокол подписал...

Мне поручили арестовать председателя краевого суда Блекиса. Вместе с Горбуновым я доставил его из гостиницы горкомхоза в кабинет Попова уже поздней ночью. Там был и Перминов. Попов задал Блекису несколько вопросов, предложив дать чистосердечные показания о своей контрреволюционной деятельности, затем допрос поручил мне.

Из уличающих Блекиса материалов у меня была только справка на арест. Как и Копылов, Блекис допрашивался с применением выстойки, ругани, без отпуска в камеру. Это, между прочим, было явлением общим, считавшимся за правило. Лучший успех приносил допрос, когда арестованный брался в ежовые рукавицы, еще не понюхав тюремной камеры.

Допрос Блекиса длился долго. Он отрицал свою вину. И впервые именно к Блекису мною были применены меры физического воздействия. Учителем моим был Ов-

сянников Алексей, слывший опытным следователем. Он включился в допрос Блекиса, начал пинать его и топтать ему ноги. Такие приемы начал применять и я. В кабинете поднялся шум, крики, ругань, собралось много любопытных. Перминов и его помощник Юркин не возражали против такого метода ведения допроса, только просили избегать лишнего шума.

Наконец, Блекис согласился написать собственноручные показания. Подписал и составленный мною протокол. Перминов его откорректировал и отдал мне, я повез его в тюремную больницу, где после нашего допроса оказался Блекис, и он его подписал...»

Надо сказать, это довольно редкий случай, чтобы палач так разоткровенничался. И все же он рассказал не все. Из показаний бывшего лейтенанта госбезопасности Зудилова известно, что Салтымаков и его напарник связали несчастному Блекису руки и ноги, затем несколько раз подняли его и бросили на пол. После такого «допроса» он помер в тюремной больнице. Его труп и видел Саранцев в мертвецкой...

Известно, что на другом допросе Салтымаков убил арестованного Кшановского.

Продолжим дальше его откровения.

«Подобные методы применялись нами к Флорену, Семенихину, секретарю Косихинского райкома партии Вохрину. Хорошо помню, как Флорен получал «подзатыльники», когда не подписывал протокол допроса. Такие же меры применялись к бывшему чекисту запаса Болотному, начальнику угрозыска Ильину и др. В кабинете Овсянникова стояли лужи: Болотный мочился, когда ему завязывали рот и били...

В тюрьме одним из средств воздействия был карцер — настоящий холодильник. Я видел, каким привели оттуда Абрамчука — это был скелет.

За один—два дня перед заседанием выездной сессии военной коллегии Верховного Суда СССР создавались бригады с опытными следователями во главе, чтобы убедить подсудимых в бесполезности сопротивления. Им внушали: не раскаешься — получишь высшую меру, раскаешься — всего 3-5 лет лагерей. Тех, кто на суде отказывался от ранее данных показаний, уводили из зала заседаний и начинали избивать..."

Думаю, что комментарии к этим показаниям излишни...

5

Максима Ефимовича Гольдберга судила (если это можно назвать судом) выездная сессия военной коллегии Верховного Суда СССР 30 октября 1937 года в Новосибирске. В нарушение процессуальных норм ему лишь в день суда была вручена копия обвинительного заключения. В нем, в частности, говорилось, что он:

«1. Будучи завербованным М. П. Томским в контрреволюционную правотроцкистскую шпионско-диверсионную организацию, полностью стоял на позициях борьбы с советской властью путем совершения терактов над руководителями Партии и Правительства. Активно вел подготовку теракта над Р. И. Эйхе, создав для этого террористическую группу во главе с В. П. Тихомировым.

2. Создал диверсионную группу (К. А. Леонтьев, Б. Н. Струков и др.), которая под его руководством совершила ряд вредительских актов, приведших к срыву строительства комбината, жилья и т. д.

3. Организовал массовое отравление рабочих.

4. Лично передал руководителю контрреволюционного «Сибирского центра правых» ряд секретных данных о строительстве и работе комбината.

Не собираюсь утверждать, что Гольдберг был ни в чем не виновен. Вполне возможно, что он оказался не на высоте как руководитель крупного предприятия: не хватило опыта, знаний (за плечами-то была лишь гимназия). Вполне возможно, что пытаясь как-то оправдать многочисленные (в основном по вине проектировщиков) переделки, приведшие к затяжке строительства и большому перерасходу средств, он пошел на приписки, «липу» в финансовых документах, словом, нарушил закон. Но это были хозяйственные упущения, пусть даже преступления. Ему же вменили в вину нечто совершенно несуразное: вредитель, террорист, диверсант, шпион. Битьем и другими мучительствами заставили во всем признаться, хотя не был он ни тем, ни другим, в уме такого не держал.

На суде Гольдберг от прежних показаний отказался, виновным себя не признал. Но участь его, по всей вероятности, была предрешена заранее: высшая мера...

Суд, согласно Постановлению ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г., проходил без участия обвинения и защиты, без вызова свидетелей и продолжался 20 минут. (В протоколе указано: 9.00-9.20). Это еще много. Обычно подобные дела коллегия «проворачивала» за 10 минут.

Приговор, согласно тому же Постановлению ЦИК СССР, обжалованию не подлежал и был приведен в исполнение в тот же день.

Остается назвать, чтоб сохранить для истории, состав суда: председатель — корвоенюрист Л. Я. Плавник, члены — диввоенюрист Б. И. Ивлев и бригвоенюрист Ф. Я. Баумановский, секретарь — военюрист 3-го ранга Н. В. Козлов. Если живы, где-то ходят ныне в заслуженных пенсионерах...

Через такое же судилище и с тем же трагическим результатом прошли другие работники комбината: 22 августа 1937 г. — Подобедов Василий Константинович, 27 октября 1937 г. — Буторов Константин Григорьевич и Резников Максим Георгиевич, 29 июня 1938 года — Балакин Владимир Федорович, Дородный Всеволод Александрович, Леонтьев Константин Антонович, Лутохин Николай Васильевич, Ноговицын Александр Миронович, Розанов Антон Александрович, Струков Борис Николаевич, Соловьев Иван Дмитриевич, Чернышев Петр Григорьевич, 4 ноября 1938 г. — Власов Александр Андреевич, Мастеров Алексей Иванович...

Я назвал лишь тех, приговоры которым видел своими глазами. Уверен, что жертв среди работников комбината было значительно больше. Вспомним хотя бы фамилии сокамерников, названных П. А. Зерновым. Вряд ли кто из них уцелел...

Все погибшие, как показывают документы о их реабилитации, были честными тружениками, порядочными людьми, добрыми патриотами Отечества. А умерли «врагами народа». Что говорить, помирать всегда тяжело, но должно быть в стократ тяжелее помирать оклеветанным...

Чудом остался в живых Петр Александрович Саранцев. «Повезло» Петру Александровичу Зернову, Станиславу Христофоровичу Субачу, Вольдемару Густавовичу Айни: они получили «всего» по 8-10 лет лагерей. Зернов в 1943 году вернулся на комбинат, судьба Субача неизвестна, Айни же 11 сентября 1941 года был расстрелян при ликвидации Орловской тюрьмы (к городу приближались немцы) вместе с известными революционерами Христианом Георгиевичем Раковским, Марией Александровной Спиридоновой и др.

6

Кто виноват в гибели названных здесь и миллионов других людей? Да, партия, малые и большие вожди во главе со Сталиным, хотя некоторые из них сами пострадали от раскрученного ими маховика подавления инакомыслящих. Да, органы ВЧК—ОГПУ—НКВД, «карающий меч» партии. А может быть виновата и сама идеология бесконечной классовой борьбы?..

Мне хочется назвать еще один фактор, без которого картина тех страшных лет будет, на мой взгляд, неполной. Но сначала коротко об одном мутном источнике, из которого органы НКВД черпали материал при фабрикации своих дутых дел. На комбинате, впрочем, как и на других предприятиях, существовал так называемый спецотдел — око и ухо НКВД. Недавно документы спецотдела меланжевого комбината, хранящиеся в краевом госархиве, были рассекречены. По их перечню можно судить, чем он занимался. Назову основные:

— Список социально-чуждого элемента, лишенных избирательных прав;

— Список исключенных из ВКП(б);

— Список антисоветского элемента. (В него включены лица, скрывшие свое непролетарское происхождение, занимавшие примиренческую позицию по отношению к троцкистам, морально разложившиеся);

— Список разного антисоветского элемента. (К этой категории отнесены немцы, поляки, латыши, эстонцы, литовцы и даже такие: «белорус, но родился в Польше», «русский, но перебежчик из Румынии», «имеет родственников за границей» и т. п.). На своих «нацменов»: казахов, татар, мордву, чувашей, алтайцев и др. тоже были составлены отдельные списки; единственным компроматом в них указана национальность. Вот, для примера, одна запись: «Елгускова Анна, 1906 г. Малограмотная. Беспартийная. Алтайка. Подметалка». За что, за какие грехи взяли алтайку-подметалку на спецучет?!..

— Список уволенных социально-чуждого и сомнительного элемента (так!);

— Список лишенных избирательных прав. В нем есть подраздел: «Не лишенные, но имеющие прошлое»: непролетарское происхождение, бывшие административно-ссыльные, «по сведениям, имел свою мехмастерскую» и т. п.

— Список лиц, знающих немецкий и другие европейские языки.

Лица, попавшие в любой из этих списков, были первыми кандидатами на арест и включение в очередную подпольную контрреволюционную организацию, которые в те годы доблестные чекисты пекли как блины.

Спецотдел докладывал о каждой аварии, поломке, простое и пр. с указанием виновных, то бишь «вредителей», ну и само собой об антисоветских высказываниях. В антисоветчики можно было попасть за жалобу на длинную очередь в магазине.

Значительную часть бумаг спецотдела составляют доносы. Почитайте несколько образчиков этого жанра (фамилии авторов опускаю).

«Заявление.

Считаю своим долгом сообщить следующее. На меланжевом комбинате работает целая семья, тесно связанная с врагами народа. Механиком в краскоотделочной фабрике, где за последнее время большое количество аварий, работает Иван Семенович Хорьяков. Отец его арестован органами НКВД, ныне умер. Сестра Мария Семеновна Спирина — в аппарате главного механика учетчиком. Муж ее изъят органами НКВД и выслан (месяц-полтора назад якобы умер). Родной брат И. С. Хорьякова, Михаил, дежурный по станции, арестован органами НКВД и выслан. Другой брат, Константин, в бытность студентом, арестовывался органами НКВД за протест по поводу питания в столовой...»

Меры были приняты: Иван Семенович Хорьяков арестован...

А вот малограмотная анонимка:

«Погребная М. М. которая работает дежурным электротехником ТЭЦ отец ее в прошлом крестьянин по слухам раскулаченный сейчас сидит под арестом. За что кто об етом знает. Почему она переменила свое имя без ведома Загса куда смотрет нач. электроцеха он же парторг Никулин почему он ей покровительствует и приходит во время ее дежурства развлекает ее скасками и анекдотами».

А вот еще:

«Материал на Кичдайлова. 23 декабря 1937 г. было профсоюзное собрание. Коммунист Мазепа правильно говорил, но Кичдайлов выступил после него и сказал: »Хоть ты и коммунист, но голова твоя набита мякиной». Нужно его проверить».

И еще:

«В НКВД сикрет.

От гражданина... на Раевского начальника гаража меланжевого комбината. Так как я работаю у них в гараже грузчиком то я его знаю его отношения очин биздушное к рабочему классу он любит поговорить и оправдать сам сибя еслив ему рабочий налицо не пондравился то он его сразу же уволняет с работы очин уважант уволить по принцепу и я увиряю по всему его отношению он есть сын попа иначи понять нельзя. Поэтому он являица чуждым элементом Советского Союза. К сему подписуюсь..."

Каждый донос, даже самый вздорный, начальник спецотдела отправлял, с пометкой «срочно», в горотдел НКВД, оставляя себе копию.

Доносчиками двигало не только низменное желание свести счеты с ближним или с неугодившим начальником. Немало их, оглушенных пропагандой, видели в этом свой партийный, комсомольский, гражданский долг. Грустно читать «докладную записку» директора Барнаульского учительского института А. П. Юферова и парторга Костылева в горотдел НКВД о том, что преподаватель института К. Т. Кришталь назвал Ленина и Сталина каторжанами, а студентам заявил: «Вы не люди, а студенты».

Кришталь в свою очередь накатал «телегу» в горком ВКП(б), обвинив Юферова в пьянстве, разврате, мздоимстве и вдобавок в «близости идеологических взглядов» с «врагом народа» Трелиным, бывшим председателем горисполкома.

Кончилось это для обоих доносчиков печально: оба были арестованы и расстреляны...

Известно, что, начиная с 1917 года, партия и подвластные ей органы всячески культивировали и поощряли доносительство. В него вовлекались даже дети на примере Павлика Морозова. С того же времени лучшие человеческие качества: доброта, милосердие, любовь к ближнему преследовались и поносились как мягкотелость, гнилой либерализм, политическая слепота и пр. И тоже, к сожалению, небезуспешно. Полистайте газеты тех лет — они пропитаны жестокостью. Только появится сообщение о «разоблачении» очередной контрреволюционной организации, следствие еще идет, а уже: «Смерть фашистским наймитам!» «Уничтожить мерзавцев!» «Раздавить ползучую гадину!» И т. д. и т. п. И десятки подписей под этими призывами, в том числе учителей, врачей, даже пионеров.

«Глас народа» прозвучал и в деле Гольдберга. После его исключения из партии (1 февраля) и снятии с должности на страницы газеты «Красный Алтай» хлынул поток разносных статей. Как только не назывался в них бывший директор комбината: «подлый двурушник», «выходец из классово-чуждой среды» (Гольдберг был сыном врача), «служилый пес Томского», «троцкист-вредитель». А он еще не был даже арестован.

Конечно, такой материал не сам приплывал в газету, он организовывался парт-

комами, профкомами, самой редакцией. И все же не верю я, что под этими каннибальскими призывами и гнусными статьями люди подписывались лишь из страха перед органами, своим начальством, из-под палки.

11 июня 1937 г. на митинге по случаю предания суду Тухачевского, Якира и др. работницы крутильно-тростильного цеха изорвали висевший на стене портрет Тухачевского, на пимокатном заводе имени Горького старушка-уборщица заявила: «Я много не могу говорить, скажу одно: расстрелять гадов!» Страхом перед органами этих фактов не объяснить.

К сожалению, их было немало, таких фактов. Семена жестокости к инакомыслящим, посеянные большевиками, принесли свои плоды. Они напоминают о себе и доныне. Еще и теперь встречаются люди, с которыми заведешь разговор о сталинских репрессиях, погубивших миллионы людей, а в ответ услышишь: «Зато порядок был». А о чем говорят прошлогодние октябрьские кровавые события в Москве?..

И доносительство у нас захирело лишь после того, как доносить стало бесполезно. Хотя, как знать...

Чекисты любили заявлять, что в беспощадной борьбе с врагами они опираются на поддержку и помощь народа. Это была ложь, но сознаемся честно: немало людей, одурманенных пропагандой, с разбуженными звериными инстинктами, называйте их как хотите, верили в те годы, что все идет правильно, кругом враги, мешающие строить счастливую жизнь, поэтому их нужно уничтожить и вообще в НКВД за зря не забирают. Они писали доносы, требовали на собраниях и митингах суровых кар к арестованным и тем самым, как говорят, лили воду на мельницу партвождей и чекистов. Не будь этого, репрессии, возможно, не приняли бы столь ужасающего размаха.

Недавно довелось мне прочитать у известного писателя, бывшего диссидента Александра Зиновьева такие слова:

«...Репрессии были проявлением личной инициативы широких народных масс. И сегодня трудно установить, чье участие было больше — высокопоставленных преступников со Сталиным во главе или этих широких, якобы введенных в заблуждение народных масс».

Лично мне кажется, что насчет «широких народных масс» он преувеличивает, весь народ обвинять несправедливо, но задуматься тут все равно есть над чем. Задуматься и сделать выводы, какими бы горькими они ни были. Для того мы и ворошим историю, чтобы не повторить ошибок прошлого.